

улицъ гимназиста, кадета, юнкера, приказчика, даже извозчика и еще при жизни мужа, который держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ, пылала платонической страстью къ одному провинціальному актеру, которому, въ знакъ любви, поднесла въ даръ собственнаго рукодѣлія двѣ фуфайки и дюжину носковъ изъ берлинской шерсти. Несмотря на свой довольно почтенный возрастъ, Марья Ивановна до сихъ поръ была наивна, довѣрчива и какъ-то добродушно-глупа. Жизни и людей она совершенно не знала, и всѣ ухаживанья за ней приписывала не обаянію милліоновъ, доставшихся ей въ наслѣдство, а исключительно своимъ личнымъ достоинствамъ. Ей—незловивой, простодушной, мягкосердечной—и въ голову никогда не приходила мысль о томъ, что ее могутъ обмануть, провести, насмѣяться надъ нею. Цѣны деньгамъ она также не знала и сыпала ими направо и налѣво безъ всякаго расчета. Какъ только кончился годъ ея траура, она успѣшила нашить себѣ голубыхъ и розовыхъ нарядовъ и накупила массу ни на что ненужныхъ бездѣлушекъ. Въ то же время она была очень добра, и кто бы ни обращался къ ней за деньгами, она безъ отказа давала. Одни Полянскіе, въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, успѣли уже перебрать у нея по мелочамъ до 3 тысячъ. Но этихъ „мелочей“ Полянскимъ было мало; милліоны раззадорили ихъ аппетиты, и они хитро и осторожно разставляли вдовѣ свои сѣти... Всѣ въ домѣ ухаживали за нею на перерывъ, а въ послѣднее время почему-то особенно часто случалось такъ, что Марья Ивановна и Жоржъ оставались наединѣ. При этомъ Жоржъ безпрестанно прикладывался къ бѣлымъ пухлымъ ручкамъ „*ma tante*“ и читалъ ей отрывки изъ „Демона“, а „*ma tante*“ оказывала явные знаки благоволенія племянничку, шаловливо трепля его за взъерошенные вихры и никому другому, кромѣ его, не позволяя сопровождать себя въ уединенныхъ прогулкахъ по саду, во время которыхъ Жоржъ носилъ за нею книгу, ридикюль съ работой, паль и скамеечку. Агнеса, глядя на все это, одобрительно улыбалась брату и особенно нѣжно цѣловала Фирсову. Въ настоящую минуту Жоржъ, по обыкновенію, не покидалъ своей должности пажа при „милрой тетулкѣ“; онъ сидѣлъ у нея за кресломъ и обмахивалъ ея разгорѣвшееся лицо пушистой вѣткой цвѣтущей черемухи.

Кромѣ семейства Полянскихъ, на террасѣ находилось еще нѣсколько постороннихъ лицъ. Тутъ были: нѣмецъ Штофъ, sostenитель сосѣдней мельницы на Карамышѣ; бывшій арендаторъ почечувскаго имѣнія, а теперь виннозаводчикъ, купецъ Щепоткинъ и, наконецъ, какой-то совершенно незначительный юнкеръ,